

18+

АЛЕКСАНДР СКОПИНЦЕВ

МОЛЧАНИЕ ТАЙГИ

КОГДА ЛЕС НАЧИНАЕТ МОЛЧАТЬ,
ТЫ УЖЕ НЕ ОДИН

Александр Скопинцев

**Молчание Тайги. Когда лес
начинает молчать, ты уже не один**

«Издательские решения»

Скопинцев А.

Молчание Тайги. Когда лес начинает молчать, ты уже не один /
А. Скопинцев — «Издательские решения»,

Группа студентов и проводник отправляются в глухую тайгу к заброшенной базе. Лес встречает их пугающей тишиной и следами, не поддающимися логике. Вскоре они понимают: за ними кто-то неотступно следит. Им предстоит не только бороться за жизнь, но и осознать, что она имеет свои законы и границы. Переступить их смертельно опасно. Атмосферный хоррор, где природа превращается в живого врага.

Содержание

Глава 1. Восемь билетов до конца света	6
Глава 2. След на коре	12
Глава 3. Ночные шаги	18
Глава 4. База	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Молчание Тайги Когда лес начинает молчать, ты уже не один

Александр Скопинцев

Иллюстратор Александр Скопинцев

© Александр Скопинцев, 2026

© Александр Скопинцев, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-9638-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Группа студентов и проводник отправляются в глухую тайгу к заброшенной базе. Лес встречает их пугающей тишиной и следами, не поддающимися логике. Вскоре они понимают: за ними кто-то неотступно следит. Им предстоит не только бороться за жизнь, но и осознать, что она имеет свои законы и границы. Переступить их смертельно опасно. Атмосферный хоррор, где природа превращается в живого врага.

Глава 1. Восемь билетов до конца света

Первым звуком этого утра, задолго до того, как под проржавевшим капотом ожил и зашёлся кашлем поршневой двигатель, был стук. Глухой, мерный, костяной. С таким сухим звуком водители лесовозов перед затяжным рейсом бьют носком кованого сапога по перекачаным баллонам, прогоняя остатки сомнений перед уходом в глухой необитаемый радиус. Настя удержала в памяти именно этот ударяющий в виски ритм. Пропал и надсадный, срывающийся на сип плач Лёшиной матери у серого перрона, и липкая суeta возле брезентовых баулов под железом автовокзального козырька. Остался только этот отсчёт — глухой, предупреждающий, будто кто-то в хвойной толще уже наматывал на кулак секунды их обратного времени.

УАЗ мотнуло на скрытом под ржавой лужей скальнике. Металл салона отозвался сухо, зубы сжались, и на долю секунды захламлённый нутряк машины завис в невесомости. Настя пальцами вонзилась в расшатанный пластик поручня над окном. Под ногтями осталась въевшаяся серая пыль.

За мутным, покрытым сеткой высохших грязевых брызг стеклом сомкнулась тайга. Не декоративная, а живая и монолитная: угольно-чёрная у корней и блёклая ближе к верхушкам лиственниц, чаща дышала. Тяжёлые лапы перемалывали влажный, пропитанный озоном воздух, отдавая в салон запахи векового перегноя и сырого мха. Разбитый асфальт остался позади ещё вчера, у последнего полустанка. Теперь под мостами внедорожника хлюпала глубокая, вывернутая гусеницами глина. Каждая выбоина отдавалась тупым толчком в основание черепа, выбивая из головы лишние, сытые мысли.

Высоко над кронами, в узкой щели между вершинами елей, прочертил белую нить невидимый самолёт. Тонкая полоса таяла в холодной синеве, унося за собой остатки понятного мира.

— Да чтоб тебя... — Дима со злостью крутанул присоску навигатора на лобовом стекле.

Прибор отзывался ровным синим светом. В центре экрана застыла одинокая точка посреди чистого, неразмеченного пятна. Ни высот, ни просек, ни спутниковой связи.

— Идеальный тайм-менеджмент, Димочка, — донеслось с заднего сиденья. Кристина не подняла головы от смартфона, её большой палец продолжал механически, судорожно скрестить пустую ленту. Память мышц оказалась сильнее отсутствия вышек. — Я планировала выложить сторис с перевала. А тут свет серый, плоский. Лицо как у покойника, никакой фильтр не вытянет.

— Через две недели выложишь с обработкой, — оборвал её Дима. В его голосе зазвенели хозяйские, подчёркнуто мужественные интонации, появлявшиеся всякий раз, когда Аня поворачивалась в его сторону. — Зато привезём материал, какого ни у кого на факультете нет. Заброшенная база, нетронутый Кодарский хребет. Настоящая экспедиция, не городской пикник.

Аня сидела впереди, чуть повернув голову к лобовому стеклу. Она подставила шею косым лучам солнца, пробивавшимся сквозь заляпанное стекло, и её звонкий смех потонул в гуле мотора. Она вскинула руку, небрежно перекидывая волосы через плечо, и Настя перевела взгляд дальше — через проход, на Лёшу.

У Лёши дёрнулся желвак. Один раз, под натянувшейся кожей скулы. Судорожная тень скользнула по лицу и спряталась в складках плотно сжатых губ. Два часа он не ронял ни звука, въедаясь взглядом в однообразные стволы лиственниц за окном. Пальцы его правой руки сжимали лямку рюкзака с такой силой, что костяшки побелели. Кодар, дипломный фильм Игоря и геологические загадки проходили мимо него. Каждое движение Ани рядом с Димой заставляло его грудную клетку ходить ходуном.

— Держитесь, — не оборачиваясь, процедил сквозь зубы водитель.

Машина с металлическим визгом рухнула в промоину. Головы пассажиров одновременно дёрнулись вниз. Настя отвела взгляд от Лёшиной спины и прижалась лбом к вибрирующему стеклу. Чуть впереди, поджав ноги, сидел Игорь. Пальцы парня побелели на тушке тяжёлой камеры, уложенной на коленях. На протяжении последнего часа он то и дело вскидывал объектив к окну, пытаясь поймать в фокус размытые верхушки елей.

Настя перехватила его взгляд в мутном, покрытом серым конденсатом оконном стекле. Игорь смотрел не на дорогу. Его зрачки уходили куда-то сквозь неё, в густоту переплетённых ветвей, но на секунду их отражения пересекались. Воздух в лёгких Насти застрял. В горле пересохло. Всплыла душная июньская кухня, предрабсветные тихие разговоры, оборванный вдох и поцелуй, который так и не случился. С тех пор между ними висела неловкая пауза.

— Игорь, — Кристина громко похлопала ладонью по спинке переднего сиденья. — Ну-ка сними, как я жвачку надуваю на фоне этой глухомани. Будет мем.

Игорь медленно, словно стяхивая оцепенение, приподнял камеру. Но чёрная тупоносая линза объектива вместо лица Кристины дрогнула и ушла в сторону — туда, где за толстыми стволами вековых лиственниц залегала плотная, почти осязаемая тьма. Его рука подчинилась импульсу, уведшему оптику в провал под корнями, где угасали последние лучи света.

— Эй, ты чего? — Кристина рассмеялась, лопаю со щелчком розовый пузырь. — Я вообще-то здесь.

— Прости, — Игорь часто заморгал, встряхнул головой и вернул видеоискатель к ней. На его лбу, у самых корней волос, высыпали мелкие капли пота. — Задумался.

Настя, проследившая за направлением линзы, успела разглядеть тёмные провалы под вывернутыми корневищами. Обычные лесные тени, густой подлесок, куда не пробивалось полуденное солнце.

С другой стороны салона, прижавшись плечом к металлической обшивке, сидел Серёга. Восемь лет разницы между ним и студенческой компанией проступали во всём: в военной осанке, которую не ломала тряска, и в привычке молчать. Пока остальные спорили о навигации и искали сеть, он неотрывно вглядывался в проносающиеся стволы. Его правая рука покоилась в кармане плотной штормовки. Пальцы без остановки, по кругу, прощупывали холодный латунный корпус старого компаса с трещиной через всё стекло. Он сжимал его с такой силой, будто удерживал единственное доказательство или улику.

— Далеко ещё? — Дима подался вперёд, пытаясь разглядеть лицо водителя.

Водитель, представившийся Пал Палычем, промолчал. Мужчина лет пятидесяти пяти, с лицом, изрезанным глубокими складками и похожим на высушенный топляк, держал руль одревесневшими пальцами. Борода росла неровными седыми клочьями.

— Часа два ещё, — выплюнул он наконец, не поворачивая головы. Голос прозвучал сухо, с хриплым скрипом. — Если дорогу опять не размочит.

— А что, часто размывает? — Аня заправила прядь за ухо, глядя на его затылок.

— По пять раз за сезон бывает, — Пал Палыч качнул головой, не сводя глаз с колеи. — Ручьи тут своенравные, с хребта идут быстро. Пройдут дожди в горах — колея вся вниз уходит, месиво одно. Грузёный лесовоз засасывает по самые мосты.

Двигатель взвыл на пониженной передаче. Рессоры под сиденьями заскрипели. Прошла минута, наполненная металлическим скрежетом. Глухо в чаще, где-то над распадком, кружила чёрная желна — её отрывистый стук на секунду перекрыл рокот мотора. Водитель снова загворил — тише, и от смены его тона в салоне будто потянуло сквозняком.

— Вы это, ребятаки... К Кодару-то зачем? Места там... нехорошие. Старики говорят — не ходят туда зимой, да и летом-то по одному не ходят. Дорог там нет вовсе, кроме той тропы, что от базы через перевал.

— А чего нехорошие-то? — Кристина отложила телефон, вскинув брови. — Медведи ломают? Или браконьеры пугают?

Пал Палыч беззвучно усмехнулся в жёсткую бороду.

— Хозяин там, да, — произнёс он тихо. — Хозяин там. Так у нас говорят. Чучуна. Съесть может, поломать,

Слово прозвучало чуждо, с гортанной вязкостью древних местных наречий. В салоне на миг установилась тишина — слышно было только, как лесная мошकारа бьётся о лобовое стекло. Кристина фыркнула, и салон взорвался студенческим хохотом. Дима смеялся громче всех, откидываясь на спинку и косясь на Аню.

— Чучуна! — повторил Дима, смакуя звук. — В лесу дикие звери, а они сказки придумывают.

— Так и есть, — подтвердил Пал Палыч и замолчал.

Смеялись все, кроме одного. Серёга не повёл бровью. Он смотрел в окно на кроны проносящихся лиственниц.

— А вы, я гляжу, серьёзный товарищ, — Дима толкнул Серёгу локтем через проход. — Не боитесь медведей. Может быть оборотней?

— Боюсь того, что реально, — коротко ответил Серёга, не поворачивая головы. Голос прозвучал ровно, но в нём чувствовалась свинцовая тяжесть. — А байки пусть детям рассказывают. Медведя бы не хотелось встретить.

По спине Насти пробежал огонь мелких мурашек. Дальше ехали молча. Кристина убрала телефон, Дима затих, а Аня смотрела перед собой, потеряв утреннюю беспечность. Лес за окном нависал, стволы становились толще, покрытые лишайниками, а свет выпадал узкими, холодными полосами.

Час спустя грунтовка сузилась до звериной тропы. Ветки царапали борта машины одновременно с обеих сторон, оставляя на стёклах полосы пахучей смолы. Звук напоминал скрежет ногтей по жёсткой поверхности. Пал Палыч сбавил ход, объезжая глубокие ямы с грязной водой.

— Приехали почти, — произнёс он, останавливаясь у покосившегося столбца с серыми досками. Краска облезла, но буквенный скол читался: «База Кодар — 40 км».

Машина замерла. Мотор заглушили. В наступившей тишине зазвенели комары, а в верхушках лиственниц зашумел ветер — тонкий, свистящий звук, словно тайга стравливала воздух сквозь сжатые зубы. В салон хлынула сырая прохлада.

— Дальше только пешком, — Пал Палыч тяжело толкнул дверцу и вышел на размокшую глину. — Дорогу размывает. УАЗ дальше не пройдёт, только гусеничным, да и то не всегда. Доставайте баулы, ребятки.

За распахнутыми створками заднего борта гремел железом заваленный баулами отсек. Металл отзывался на каждый толчок, пока откидные скамьи засыпали хвойной трухой. Возле увязшего в глине колеса выплёскивалась в душный воздух глухая ругань. Кристина, сжав губы в узкую нить, дёрнула ремень рюкзака, а Дима, преувеличенно тяжело вздыхая, пытался затолкнуть поверх спальных мешков её ребристый пластиковый кейс.

— Дим, углом не упирай, пробьёшь уплотнитель, — негромко, но жёстко бросила Кристина, дёрнув заклинивший фастекс. Пальцы у неё вязли в липкой смоле. — Там навигация и аккумуляторы. Если кейс потечёт на броне, останемся без связи.

— Да вижу я, — буркнул Дима, отирая со лба тёмный пот. Он снова навалился плечом на пластиковую стенку, загоняя её в угол кузова. — Проще было всё в гермомешок уложить, чем этот кейс перетя. А связи тут и без брода нет.

— В гермомешке литий при первом же ударе о камни раздавит, — отрезала она.

Лёша со скрежетом сдёрнул с края кузова тяжёлый тюк, вытирая засаленным рукавом взопревшую шею. Его взгляд зацепился за расстёгнутый клапан её баула, откуда выпирали голенища вторых ботинок.

— Три пары! — Лёша выдохнул это сквозь замкнутые зубы, швыряя на примятый папоротник тяжёлый свёрток. — Зачем тебе три пары обуви в тайге? Мы сюда не на дефиле приехали, сорок километров по волоку тащить!

— Затем, что на первой же мари твои хваленые мембранки промокнут насквозь, — Кристина круто развернулась, вздёгнув подбородок. Голос её звенел сухо и отрывисто. — И, если я сотру ноги до мяса на второй день, тормозить мы будем из-за меня. Ходовые, сапоги для болот и лёгкие для лагеря. Это нормальная раскладка.

— Нормальная раскладка, — сдавленно повторил Лёша, указывая подбородком на Диму, у которого под тяжестью герметичного сундука натянулись жилы на шее. — Только литые болотники весят как два кирпича. А тащить их будешь не ты, а Диман, когда у тебя через пять километров заклинит поясница.

— Я всё своё несу сама, — отчеканила она, крепче перехватывая стропу.

— Да ладно вам, нормально всё уложим, — вмешался Дима, перехватывая кейс удобнее и пытаясь сгладить угол. У него вырвался короткий выдох. — Лёх, брось. Зато вечером ноги сухие будут, меньше возиться с сушкой у костра.

— Ну-ну. Посмотрю я на вас, когда в первый подъём пойдём, — отрезал Лёша, нагибаясь за следующим тюком.

В глубине подлеска с тихим шуршанием осыпалась хвойная игла и сухой ком земли, скатившийся с обнажённого корня упавшей берёзы.

Пал Палыч на эти выкрики даже не повёл бровью. Мужчина замер у раскалённого капота, где остывающий блок цилиндров отщёлкивал глухие секунды остывающим металлом. Изпод накренившегося радиатора на размокший мох сочно капало чёрное масло. Водитель медленно обернулся к вековым лиственницам, стеной вставшим вдоль старой просеки. Полуденное солнце вязло в их косматых, блёклых верхушках, не доходя до подлеска. Штормовка на плечах Пал Палыча обвисла. Его правая рука дернулась — пальцы ткнулись во лоб, затем к груди и плечам. Крест вышел тёмным, ломаным, суетливым. Мужчина направил его не в небо, а прямо перед собой — в глухие, сизые провалы между мшистыми стволами, словно отдавал безымянную дань.

Настя перехватила этот жест. Вытягивая свой рюкзак из глубины кузова, она согнулась в три погибели, и глаза случайно выхватили торопливый взмах водительской ладони. Пальцы девушки застыли на холодной стальной бляхе ремня.

— Пал Палыч, — Игорь подался вперёд, поднимая тяжёлый тубус камеры к глазам и с мягким треском проворачивая кольцо фокусировки. — А можно пару слов для фильма? Прямо здесь, у машины. Про места эти, про легенды, что в дороге зацепили?

Водитель поворачивался нехотя, со скрипом плотной ткани на лопатках. Настя, зажав в кулаке лямку рюкзака, шагнула назад.

— Не, — Пал Палыч коротко мотнул головой, отчего седые клочья его бороды качнулись. — Не люблю я эти стёклышки. И вам скажу — бросайте. Поаккуратнее тут надо. Особенно когда стемнеет. Костры от стоянки далеко не разводите, по одному в темноту не суйтесь. И шуметь... шуметь не надо. Лес этого не любит, да и животину местную не обижайте.

— Медведей что ли? А что так? — Дима вскинул потяжелевший баул на плечо, задирая подбородок. На его губах заиграла тонкая ухмылка. Он мельком коснулся взглядом Ани, проверяя, доходит ли до неё его показная беспечность. — Хозяин ваш осерчает? Поворчит и уйдет, мы же ненадолго.

Пал Палыч въелся в него взглядом. Пауза тянулась тяжело, прижимая Димину улыбку к губам, точно мёртвую муху к стеклу. Водитель не злился — он будто взвешивал стоящего перед ним человека и находил его слишком лёгким, чтобы тратить настоящие слова.

— Они не любят, когда шумят, — произнёс Пал Палыч. Голос опустился до сухого, шелестящего шепота, но в гулкой тишине просеки каждый звук отдался ударом обуха. — Но еще хуже — когда их ищут.

Мужчина говорил буднично, ровно так сообщают время прибытия дежурного автобуса. Настя перевела взгляд на Игоря — парень застыл с поднятым объективом, его указательный палец вжался в пластик возле кнопки записи. Чуть дальше, опираясь лопатками об обугленный пенёк, замер Серёга. Его рюкзак уже сидел на нем как влитой, затянутый на все стропы. Он не переминался с ноги на ногу и не пытался улыбаться. Его челюсти сжались так, что кожа на скулах натянулась до белизны, а взгляд вшелся в лобовое стекло глухо замершего УАЗа.

— Спасибо, что довезли, — Серёга сделал шаг вперед, разрезая паузу, и вытянул широкую ладонь. — Шестнадцатого числа, здесь же встретимся?

— Да, шестнадцатого, — Пал Палыч сжал его пальцы. Его рука задержалась в ладони Серёги дольше обычного. Мужчина коротко качнул головой, и в его потухших зрачках скользнула молчаливая, тоскливая жалость. — Вы это... берегите друг друга. Места тут красивые, да норы свой имеют. Горный край, зверя много. Коли пропадёте — тайга смолчит. Так что будьте аккуратнее.

Он развернулся, тяжело прыгнул на протёртое дерматиновое сиденье и с сухим лязгом вогнал дверцу в проём. Двигатель отозвался надсадным, металлическим кашлем, выплёвывая из выхлопной трубы сизый дым. УАЗ, переваливаясь на просевших рессорах, начал разворачиваться на узком пятачке. Машина обдала застывших у обочины людей облаком пыли с резким бензиновым гарью. Настя зажмурилась, прикрыв лицо рукавом штормовки, а когда разомкнула веки — серый хвост кузова скрылся за лапами лиственниц. Спустя минуту рокот мотора превратился в далёкое урчание и затонул в шуме ветра, гуляющего по хребту.

Восемь человек остались на краю обитаемой земли.

Тишина обрушилась тяжёлым вакуумом. Лес жил своей жизнью: скрипели лиственницы, шуршала палая хвоя. Тайга затаила дыхание, сомкнув зеленые створки за их спинами, и наблюдала за чужаками.

— Ну что, — Дима разрубил оцепенение первым. Голос прозвучал слишком громко, фальшиво, ломая естественный гул чащи. Он поддёрнул лямки и ботинком сбил край лужи. — Пошли? Тропа отсюда режется, судя по карте.

Настя стояла у края настила, затягивая нагрудный ремень. Она втянула воздух и поморщилась. Запах стоял чужой. Ни привычной городской гари, ни соснового аромата подмосковных боров. Воздух пах сыростью, давленным мхом и железистым привкусом. Железная плата.

Она повернула голову назад — туда, куда Пал Палыч швырнул свой суетливый крест. Стена деревьев обступала колею плотным монолитом. Холодные лучи солнца пробивали хвою узкими, бледными полосами. В этом рваном свете тени между стволами казались плотными, почти осязаемыми.

— Настя, ты идешь? — окликнул её Игорь.

Девушка вздрогнула, сбрасывая наваждение, и увидела парня у самого входа на просеку — он придерживал рукой лямку баула.

— Иду, — выдохнула Настя, закидывая последний ремень на плечо.

Группа вытянулась в цепочку на едва заметной тропе, больше похожей на старый звериный волок. Дима шагал первым, то и дело поднося к глазам навигатор, хмурясь на пустой экран и сверяясь с жидкостным компасом. За ним переступала через сухие ветви Аня. Она смеялась над очередным словом Димы, её плечи под лёгкой курткой мерно покачивались. Следом шла Кристина, уже через пятьдесят метров начавшая шумно дышать и поддёргивать лямки рюкзака. Лёша замыкал их тройку. Его взгляд упёрся в спину идущей впереди Ани.

Настя пошла за Игорем, стараясь подстраивать свой шаг под его ритм. Серёга встал замыкающим. Он двигался плавно, оставляя перед собой три шага дистанции — оттуда ему открывалась вся колонна и пространство, остававшееся за их спинами.

Дорога исчезла за первым же изгибом. Тайга обняла их плотной зелёной стеной. Шуршание плотной ткани, хруст веток под подошвами и неровные голоса стали единственными звуками на версты вокруг. Они быстро гасли, тоня в густом зелёном мху.

Глава 2. След на коре

Комар впился в тонкую жилку под правым ухом. Настя смахнула его быстрым, механическим движением — на пальцах остался тёмный липкий след: размазанная капсула крови вперемешку с серой таёжной пылью. Подъём по старому волоку тянулся третий час. Лямки рюкзака, казавшиеся в квартире мягкими и удобными, теперь через мокрую ткань штормовки впивались в ключицы плотными деревянными брусками. Позвоночник оседал под весом баула, тяжелевшим с каждым шагом, будто на дно мешка невидимка подкидывал плоскую речную гальку. Ноги вязли в податливом ковре из мха, под которым скрывался скользкий, так и не оттаявший за лето скальник.

— Может, привал? Хоть на пять минут... — со стороны Кристины донёсся тяжёлый, прерывистый выдох.

Она замерла на месте, всем телом навалившись на шершавый, покрытый бледным лишайником ствол упавшей берёзы. Дыхание девочки рвалось со свистом, на побледневшем лбу высыпали крупные капли пота, а под глазами залегли сероватые тени. Она судорожно переминалась, сдерживая кашель.

— Там под пяткой... чувствую, как лопнула кожа. Кровавый пузырь. Я шаг сделать не могу.

— Мы только вышли на хребет, Крис, — Дима даже не притормозил.

Он двигался во главе вытянувшейся колонны, упрямо выставив подбородок. В правой руке он сжимал размякший от сырости и потных пальцев лист топографической карты, а левой крутил пластиковый корпус навигатора. Синий экран прибора держал одинокую мёртвую точку посреди белого неразмеченного поля.

— Потерпи. По карте через полкилометра будет старый геологический ручей. Там встанем, посмотрим ноги. Главное — ритм не сбивать.

Дима вскидывал голову, но смотрел не на размытую в папоротнике колею. Взгляд его раз за разом возвращался назад — туда, где легко перешагивала через обгоревшие коряги Аня. Он будто постоянно проверял, долетают ли до неё его сухие командирские интонации. Аня эти взгляды ловила мгновенно. Стоило Диме полуобернуться, её губы трогала едва заметная улыбка. Усталость её не брала: движения оставались точными, плавными, а в глазах поблёскивал тот лихорадочный азарт, который бывает у людей, убеждённых в собственной неприкосновенности.

Лёша плёлся последним. Он сам, молча и угрюмо, встал в хвост колонны ещё у поваленного столба на развилке. С этого места ему не приходилось каждую минуту наблюдать, как Аня поворачивается к Диме, как она ловит его слова и как легко касается его локтя на остановках. Рядом с ним, стараясь выдерживать единый шаг, двигалась Настя. Её ботинки с хрустом ломали сухие сучья, обнажая бледную древесину.

— Знаешь, — Лёша заговорил тихо, едва пробиваясь сквозь глухой шорох шагов. Он смотрел перед собой, впившись взглядом в мерно покачивающийся синий клапан Аниного рюкзака. — Я ведь дурак. Думал, за два года это как-то переболит. Ну, разные корпуса, другие лекции... Не проходит. Тошно мне, Насть.

Настя оступилась, нога соскользнула с влажного корня, и ей пришлось взмахнуть руками. Тяжёлый баул тут же качнул её вбок, отозвавшись сухим прострелом в пояснице. Слова застряли в горле — между таёжным воздухом и давящим чувством неловкости. Быть свидетелем чужой обнажённой боли — точно без спроса заглядывать в чужое немытое окно. Но и промолчать, сделав вид, будто слышен только шум ветра в кронах, казалось предательством.

— Может, потому и не проходит, Лёш, — Настя постаралась выдохнуть это как можно мягче, контролируя звук, чтобы не свалиться в поучительный тон, — что ты сам рану раско-

вырываешь? Ты же каждый день смотришь, как она... как она играет. С Димой, с Игорем. Для неё это просто шаг. А ты стоишь и впитываешь.

Лёша выдохнул сквозь зубы — звук вышел коротким, похожим на треск лопнувшей струны.

— Тогда какого чёрта я вообще сюда пошёл? — спросил он у пространства перед собой.

Ответа у него не было. Настя знала это точно. Он пошёл ради этих минут контролируемой пытки, ради иллюзии близости.

Настя перевела взгляд вперёд, мимо Кристины и Димы, туда, где двигалась сутулая фигура Игоря. Он шёл особняком, опережая группу на десяток шагов. Пальцы удерживали чёрный корпус видеокамеры. Каждые пять минут Игорь замирал: вскидывал видеоискатель к глазу, ловя рваный солнечный луч, пробивавшийся сквозь пушистые еловые лапы, или задерживал дыхание, снимая, как мутная вода ручья оmyвает серые камни.

— Эй, идите сюда! Быстрее! — голос Игоря, обычно глухой и ровный, сорвался на высокой ноте.

Парень замер у раскидистой, наполовину высохшей лиственницы, чей ствол уходил в серое марево растрескавшимся столбом. Игорь не опускал камеру, его плечи дрожали от напряжения.

Группа потянулась к нему, ломая кусты багульника. Настя подошла одной из первых и невольно прижала ладонь к губам, перекрывая выдох. На высоте человеческого роста — метрах в двух от земли — по толстой, заскорузлой коре лиственницы тянулись рваные борозды. Четыре параллельные полосы шириной в крупную человеческую ладонь каждая уходили сверху вниз, словно по дереву с дикой силой прошлись железными зубьями. Кора была не просто содрана — древесина под ней выглядела раздавленной, вмятой внутрь ствола, будто волокна лопались под прессом невероятной массы. Из глубины повреждений медленно, густыми каплями вытекала свежая, пахнущая скипидаром живица, в которой уже путались мелкие черные муравьи.

— Медведь, — Серёга подошёл вплотную, его тяжёлые берцы погрузились во влажную подстилку.

Он не стал снимать рюкзак, лишь чуть повел плечами. Лицо его, до этого хранившее обычную собранность, застыло. Он протянул руку, и подушечки пальцев осторожно проскользнули по внутренности раны, собирая липкий сок. Серёга сжал губы. Он наклонился, почти коснувшись лицом коры, изучая скол древесины, затем отступил на пару шагов, задрал голову к верхней точке, где орудовал неведомый инструмент.

— Только ровно шло, — произнёс он. Голос прозвучал без эмоциональных окрасок, точно он зачитывал надпись на надгробной плите. — И высоко. Слишком высоко.

— В смысле — высоко? — Дима сделал шаг вперед, его сапог выдавил из мха лужу бурой воды. Он закинул голову, кадык на его шее судорожно дернулся. — Медведи разные бывают. Если крупный шатун или старый самец на дыбы встанет, он и повыше достанет. Я на Алтае читал... они так территорию метят. Тянутся вверх, сколько достанут, чтобы чужака напугать. Такой способен задрать любого.

— Способен, — Серёга ответил не сразу. Он аккуратно вытер измазанные смолой пальцы о брюки, но взгляд его удерживали раны на дереве. Согласие далось ему с видимым трудом. — Если это зверь под триста килограммов, то пусть он будет отсюда подальше.

Глухо в чаще ухнула сова-неясыть — этот одинокий, низкий звук заставил всех синхронно вскинуть головы.

— Может... может, мы вернёмся? — Кристина обхватила себя руками за плечи, хотя воздух между стволами стоял неподвижный и душный. Ее зубы выбили короткую дробь. — Дима, ну его. Давай обратно к дороге, Пал Палыч ещё не успел до посёлка доехать, поймает на развилке...

— Ты с ума сошла? — Дима резко обернулся, его шея пошла красными пятнами, а голос взлетел вверх. — Две недели сборов! Мы снарягу полгода закупали, деньги общие, билеты... Игорь ради этого диплома грант выбивал! Из-за царапин на сушине назад поворачивать? Это тайга, Крис. Тут зверь ходит. Мы знали, куда шли. Хватит истерик.

Лёша стоял за Аней, его лицо оставалось неподвижным, но тёмные расширившиеся зрачки следили за падающими каплями смолы. Он молчал, но Настя заметила, как его правая рука опустилась к поясу, где в чехле висел охотничий нож, и пальцы мёртвой хваткой впились в кожаную рукоять. Дима, перехватив этот жест, нервно хмыкнул:

— Зря всё-таки ружьё у проводников в посёлке не перекупили. Я же говорил — места глухие, мало ли браконьеров или зверья. Серёга, у тебя же был знакомый с карабином, почему не взял?

Серёга даже не повернулся.

— Помёта нет, — резко оборвал он, присев на корточки и изучая примятую траву вокруг корней. — Ни клока шерсти на коре, ни разрывов на земле. Если бы здесь крутился крупный зверь, он бы оставил след. Медведь тяжелый, вонючий. От него пахло бы падалью за сто метров. А тут чисто. Значит, сейчас здесь никого нет. Идём дальше.

Он поднялся и первым вскинул рюкзак. Серёга не стал развивать тему, умолчав о сомнениях. Настя зафиксировала это молчание. Её ум отметил и эту паузу, и то, как Серёга перед стартом незаметно проверил ход ножа в ножнах на бедре.

К полудню, когда солнце окончательно завязло в серой пелене над головами, тропа вывела их к пологому распадку, где шумел ручей. Объявили привал. Кристина со стоном опустилась на мокрые камни у воды, сдёрнула тяжелые ботинки и стянула носок. Настя нахмурилась: на побелевшей коже пятки вздулся огромный, налитый мутной жидкостью пузырь с багровым воспалённым венчиком.

Дима с суетой бросился к рюкзаку, с треском расстёгивая клапан и вытаскивая зелёный пластиковый кейс аптечки.

— Так, сейчас, у меня тут всё есть... Палатки ставим, я обработаю, — забормотал он, перебирая ампулы. Его пальцы цеплялись за замки, он никак не мог вытащить рулон пластыря. Было видно, что эту медицинскую укладку он видел только на витрине магазина.

— Дай сюда, — Настя мягко заставила его выпустить пластик. — Ты только расковыряешь. Ищи пока сухие ветки для костра.

Она присела перед Кристиной, смочила вату перекисью и принялась обрабатывать края сорванной кожи. Кристина шипела, впиваясь пальцами в Настины колени, ее лицо побледнело от резкой боли.

После обеда, когда остывший котелок отмыли от гречневой пригари крупным речным песком, шаг окончательно потерял лёгкость. Дело заключалось не в физической усталости — гудящие суставы и забитые икры стали привычным фоном. Сама окружающая среда уплотнилась, границы пространства сдвинулись. Воздух сделался сырым, вязким, застревал в гортани, заставляя грудную клетку расправляться с усилием, с глухим треском сухих рёбер. Настя почувствовала этот сдвиг первой: в затылок въелась тупая, тяжёлая боль, медленно расплывающаяся к вискам тёмной пульсацией. Подобный зажим в черепе возникает перед шквальным грозовым фронтом, когда скачет давление, но над головами всё так же неподвижно висело мутное, белёсое марево.

— Меня тошнит, — выдохнула Кристина спустя полчаса после того, как отряд оставил ручей.

Она двигалась, уткнув подбородок в штормовку, носки её ботинок загребали прелую траву, шаг сбивался.

— Живот... узлом завязывает. Выворачивает изнутри.

— Это от сырой воды, — Дима застыл на месте, проведя тыльной стороной кисти по лбу.

Его собственные губы посинели, а вокруг рта проступила нездоровая, серовато-зелёная тень. Он попытался вытащить из бокового кармана топографическую карту, но пальцы дрожали настолько мелкой, неконтролируемой дрожью, что плотная бумага с сухим треском смялась, едва не выскользнув в липкую грязь волока.

— Мы же кипятили её... Котелок ключом бил минут десять. Не откуда там...

— Всё равно крутит, — Кристина уткнулась лбом в согнутый локоть, вторая её рука судорожно сжала рёбра.

Настя ощущала то же самое. Внутренности сводило не от испорченной тушёнки. Внизу, в самом нутре, разрасталось давящее, душное беспокойство. Если на секунду замедлить шаг и плотнее прижать подошвы к мшистому ковру, сквозь плотные стельки угадывалась низкая, на грани восприятия, вибрация. Она проходила сквозь кости, заставляя мелкие органы внутри живота сжиматься в тугий завязавшийся узел. Настя дважды замирала, оглядываясь назад, на темнеющие заросли багульника, пытаясь уловить источник этого глухого, гудящего давления, но ловила лишь собственный хриплый выдох да молоточки крови, стучащие в перепонках.

Птицы исчезли. Настя заметила эту стерильную тишину ближе к пяти часам вечера, когда цепочка группы выбралась на небольшую плешину поляны, заросшую корявым ивняком, где Серёга приказал ставить лагерь. За весь день пути — за все выматывающие километры по бурелому — слух не зацепил ни единого писка, ни дробного стука дятла, ни треска кедровки. Лес сохранял внешние признаки жизни: мохнатые еловые лапы покачивались от редких порывов ветра, ствол старой сосны скрипел на изломе, но вокруг царила глухая, зачищенная немота. Всё, что имело крылья и способно было подавать голос, покинуло этот массив задолго до того, как первый подошвенный протектор оставил след на мху. Тайга замолчала.

Костёр разложили быстро. Когда первые оранжевые языки лизнули смолистые сучья лиственницы, тяжёлая взвесь, висевшая над поляной, словно немного рассеялась. Огонь возвращал привычное, городское чувство безопасности. В закопчённом котелке шумно закипала гречка с жирными пластами свинины, затягивая стоянку густым парным дымом. Кристина, растянувшись на спальном мешке у самого пламени и вытянув туго забинтованную ногу, тихо пересказывала старую студенческую байку. Шутке не хватало соли, но все засмеялись — слишком громко, нервно, с надрывом, словно этот взрыв хохота требовался им, чтобы забить звенящую пустоту, наплывающую из межствольного мрака.

— А вот когда я в прошлом году по Алтаю на Шавлинские ходил, — Дима перехватил разговор, с треском бросив в очаг кряж, отчего в темноту метнулся сноп оранжевых искр, — там перевалы стояли... ого-го, категории куда серьёзнее. Тропа над обрывом в локоть шириной, шаг в сторону — и костей не соберёшь. А тут? Лес да кочки. Пройдём.

— Дима, ты про свой Алтай ещё в купе трижды рассказывал, — беззлобно, но с отчётливой сухостью перебила Аня.

Она устроилась на поваленном стволе вплотную к нему, плечо в штормовке касалось его рукава. Её смех прозвучал чуть громче обычного; она запрокинула голову, подставляя под вспышки огня точёную шею и подбородок, а взгляд быстрым скользящим росчерком метнулся через костёр — туда, где в тени сосны стоял Лёша.

Сцена предназначалась ему. Лёша принял этот удар не шелохнувшись. Он неподвижно смотрел на краснеющие угли, лицо выпрямилось каменной маской, но пальцы обеих рук с такой силой впились в жестяные бока кружки с кипятком, что тонкий металл под ногтями начал беззвучно проминаться.

Дима достал из внутреннего кармана флягу, с сухим щелчком свинтил колпачок и запустил её по часовой стрелке.

— Для дезинфекции и укрепления духа, — бросил он, подмигнув.

Фляга дошла до Серёги, но тот даже не протянул кисть. Он сидел чуть в стороне от общего круга, прижавшись спиной к тенту палатки, и его фигура практически растворялась в наплывающих сумерках. Взгляд мужчины проходил мимо пламени и закипающей каши. Он смотрел сквозь людей — туда, где за чертой освещённого пятачка смыкалась непроницаемая таёжная тьма. Серёга застыл, чуть повернув голову к правому плечу, словно вылавливал из треска горячей хвои посторонний, чужеродный шумок.

Позже, когда пламя опало и угли подёрнулись пепельной сединой, а размякшая компания потянулась к палаткам, Настя задержалась у воды, оттирая ложку мелким гравием. Возвращаясь, она заметила, как Серёга поднялся, подошёл к Игорю и, жёстко обхватив его за локоть выше сустава, отвёл на три шага в темноту, к самым лапам молодой ели. Слова тонули в шипении угасающего костра, но Настя увидела, как Серёга коротким, рубящим жестом указал на силуэты деревьев, а затем что-то выговорил парню, не отводя взгляда от его лица. Улыбка сошла с губ Игоря мгновенно. Его плечи опали, он медленно перевёл взгляд на тушку видеокамеры, висевшую на груди, а потом молча, не глядя на остальных, пошёл к палатке.

Настя нагнала его у самого входа, когда он пальцами нащупывал бегунок молнии. Ночь пала тяжёлая, сырая.

— Игорь, — тихо окликнула она, касаясь плотной ткани его рукава. — О чём вы? Что Серёга сказал?

Игорь замер. Его рука с зажатым замком застыла. Он долго смотрел в проём расстёгнутого тента, и Настя слышала, как прерывисто, с выдохом, поднимается его грудная клетка.

— Он сказал... — Игорь выдохнул слова так тихо, что ей пришлось наклонить голову к его губам. — Сказал убрать хреновину в чехол и не вытаскивать без приказа. И ещё... сказал: если ночью в объективе или просто глазом увидишь что-то опасное... не вздумай снимать. Бросай всё и беги к костру.

— Это потому, что ты всё время лес снимаешь?

— Да. Как даешь медведи тихие когда охотятся?

Настя ничего не ответила. Слова, произнесённые сдержанным, обычно ироничным парнем, повисли во влажном воздухе. Они не выглядели глупостью или паникой.

Ночь затянула лагерь плотным, мокрым пологом, сквозь который не проникал ни один звёздный луч. Настя лежала в спальнике, уставившись открытыми глазами в невидимый брезентовый потолок. Сон не приходил. Лес снаружи жил своей жизнью. Сквозь ткань доносились мелкие, привычные звуки: шорох полёвки в сухих листьях, далёкий щелчок сучка, лопнувшего от ночного холода на самом краю слышимости. А затем со стороны дальних скальных гряд донёсся долгий, низкий звук. Он зародился на пределе слухового восприятия, перетёк в глухой грудной гул и оборвался. Волки так не были — их голос звучал твёрже, чище. В этом звуке ощущалась жуткая, плотная гортанность.

Наступила тишина.

Не привычная ночная пауза, когда засыпает лагерь. Пространство погрузилось в мёртвую, вакуумную немоту. Лес исчез, превратившись в пустую камеру. Настя застыла, перестав дышать, виски жгло от напряжения.

За вибрацией пришли шаги.

Они раздавались редко, размеренно. Тяжёлые, массивные удары по дёрну. Так не передвигается ни один медведь — зверь идёт мягко, переваливаясь, с лёгким шумом подлеска. Здесь же имела место острожная, двуногая, ритмичная поступь.

Настя приподнялась на локте, пальцы судорожно впились в ткань спальника. Шаги миновали тент — метрах в двадцати, не ближе — и стали медленно, безногими глухими ударами

удаляться к хребту, пока окончательно не растворились в чаще, оставив после себя звенящую немоту.

— Аня... — Настя протянула руку во тьме, нащупала плечо соседки и из всех сил тряхнула её. — Аня, вставай. Ты слышала? Слышала?!

Аня тяжело заворочалась, недовольно крутанулась в мешке и брыкнула ногой. Приоткрыла один глаз, в котором тускло отразился бледный свет от далёких углей, пробивающийся сквозь брезент.

— Насть, отвали, а... — выдохнула она, голос прозвучал вязко, с глубокой дремотой. — Показалось тебе. Лось прошёл или ветка рухнула. Спи, завтра пилить и пилить.

Она повернулась к брезентовой стенке и спустя минуту задышала ровно и глубоко, уходя в сон.

Настя осталась лежать на спине, боясь закрыть веки. За тканью снова восстановились обычные ночные шумы, зашелестела хвоя под порывом ветра, но тело продолжало помнить ту глубокую, подлёдную тряску земли. Она так и не сомкнула глаз до рассвета, ловя каждый шуршащий звук и наблюдая, как по брезентовому потолку с первыми лучами холодного таёжного солнца расползаются пятна.

Глава 3. Ночные шаги

Утро открылось слепящей, режущей глаза ясностью. Плотные солнечные лучи пробивали хвойный навес столетних лиственниц косыми жёлтыми столбами, внутри которых лениво кружилась золотистая пыльца и мелкая мошкара. В сухом, прогреваемом воздухе отчётливо пахло мокрой хвоей, прелым черничником и остывшей золой вчерашнего очага. Физиологический осадок ночной бессонницы, сжимавший грудь душными спазмами, под этим ярким светом терял очертания. Настя сидела на поваленном стволе, притянув колени к подбородку, и наблюдала, как над седыми углями поднимается едва заметная сизая струйка. Веки набрякли, под кожаными складками сухо покалывало, точно под веки занесло прибрежную пыль.

— Держи. Горячий.

Игорь опустил руку рядом беззвучно. Он протянул закопчённую жестяную кружку, над которой клубился пар с запахом сушёного смородинового листа и крепкого чая. Его сухие пальцы чуть заметно подрагивали.

Настя не сразу выпростала руки из промокших рукавов. Она мазнула взглядом по его лицу — побледневшему, с глубокими темными тенями у губ и отпечатавшимся на щеке рубчиком от складки спального. Взялась за эмалированную кружку обеими ладонями, вжимая горячий металл в онемевшие подушечки пальцев. Сухое тепло поползло к запястьям, снимая судорожный зажим в предплечьях.

— Не очень спалось, да? — Игорь не подбирая её взгляд, уставившись в носки потемневших от росы берцев.

— Со времён зимней сессии на третьем курсе такого не помню, — Настя сделала глоток, обжёгши кончик языка. Помедлила, ловя слухом, как Дима на противоположной стороне поляны с сухим металлическим стуком пакует котелки. — Когда зачёт по анатомии сдавали, я у тёти Вали в коммуналке засыпала под шум трамваев на Бауманской... Там хоть понятные звуки были. А тут тишина давит. И шаги слышала. Осторожные.

Игорь не повернул головы, не сыграл удивления. Он только кивнул. Это молчаливое согласие отозвалось в Настином затылке ледяным сколом. Не показалось. На соседней лиственнице с коротким писком перепорхнула синица, стряхнув с ветки ком мха.

— В городе всё иначе, — негромко произнёс Игорь, носком ботинка разрывая мокрый мох. — Машины во дворе гудят, соседи за стеной телевизор включают, мать на кухне кастрюлями гремит перед сменой в больнице. Включаешь наушники — и вроде один. А здесь каждый хруст в ушах застревает.

— Слушайте, когда мы до этой базы дойдём, там хоть какая-то вышка будет поблизости? — Кристина неподалёку деловито затягивала клапан рюкзака. Она двигалась быстро. На лице проступил ровный слой тонального крема, перекрывший ночной недосып. — Мне необходимо выложить хоть одно фото. Для факультета. Пусть видят: я забралась в глушь. А то Соколов с параллельного потока опять начнёт язвить, как после того студенческого слёта в Тарусе. Попадёшься им на кафедре — скажешь, что в тайгу уехала, так они заявят, что в Подмосковье в пансионате с мамой сидела и круассаны ела.

— Вышка-то там дальше по маршруту есть, — вклинился Дима, поправляя лямку на плече. — Только старая совсем и давно отключённая. Я перед выездом на одном сталкерском форуме тему отрыл — там парни, которые в этих краях лазали, отписывались. Писали, что главная сеть там не пашет, но висит слабое напряжение. Дежурная линия связи для таёжников, аварийная. Никаких твоих соцсетей она, Крис, естественно, не потянет. Только для служб.

— Тебе реально важно, что там Соколов подумает? — Настя чуть наклонила кружку, следя за тёмным паром над чаем. — У тебя перед отъездом декан два дня заявление на практику подписывать не хотел.

— Да при чём тут Соколов! — Кристина поджала накрашенные губы и с сухим шелчком защёлкнула пластиковую пряжку. — У нас на кафедре социологии если полевой отчёт без кадров принесёшь, тебе на диплом такую унылую тему дадут — весь год в архиве просидишь. Мне дядя перед вылетом из Шереметьева полчаса твердил: «Крис, сиди в Москве, целее будешь». Если я отсюда даже снимка с кедрами не привезу, мне в деканате эту поездку до самого выпуска вспоминать будут.

Лагерь сворачивали с суетливой поспешностью. Никто не затягивал завтрак, никто не оставался на пенках. Спальники скручивали в тугие жгуты, росистый брезент тентов с треском втискивали в чехлы. Ощущение общего движения вперёд сквозило в каждом резком жесте. Волоковая тропа, согласно описанию Пал Палыча, должна была вывести к строениям старой геологоразведки до того, как солнце зацепит вершины западного хребта. Требовалось просто шагать. Без пауз.

Первые два часа марша прошмыгнули легко. Тайга повернулась привычным, безопасным боком. Лес наполнился густым птичьим свистом — в кронах перекликались кедровки, ритмично и сочно стучал дятел, в подлеске шуршала мелкая живность. Этот живой звук настолько контрастировал с ночной немотой, что мысль о пережитом страхе сжалась до обычного переутомления. Городской организм, сдавленный непривычным давлением и тишиной, достроил картинку к обычному вывалу или осыпи. Настя двигалась в ритме Игоревых шагов, чувствуя, как лямки больше не режут плечи.

А затем тропа упёрлась в завал.

Поперёк волока, перегораживая проход от стены до стены кустарника, лежала сосна. Дерево вымахало колоссальным — в два человеческих обхвата, с почти чёрной корой. Но лежало оно не так, как падают стволы от корневой гнили или порыва ветра. У сосны отсутствовали вывернутые корни с кусками глины, не имелось и ровного поперечного излома.

Ствол разнесло вдоль. От самого комля до середины кроны древесину расщепило на две части. Волокна вывернулись наизнанку, разорванные с такой силой, что во все стороны торчал частокол белых длинных щеп, похожих на клыки ископаемого ящера. Дерево выглядело так, будто в его сердцевину на лету вогнали тяжеленный невидимый клин.

— Молния, — Дима застыл перед завалом, тяжело опустив ладони на бёдра. Он закинул голову, сканируя вершины соседних лиственниц. Голос прозвучал избыточно громко, с той избыточной твёрдостью, за которой спрятана растерянность. — Линейный удар. Попало в макушку, вскипятило сок, ствол и разорвало паром. На географической практике под Тверью такое видел. Обычное дело.

— Ни облачка ведь. Третий день ни одного облака, Дим, — Игорь опустился на колени в мох у самого раскола.

Камеру он прижал к щеке, объектив полз вдоль рваных волокон. Голос его на последней фразе дал сбой, опустившись до шепота. В кадр попал излом — там отсутствовали следы обугливания, копоть или гарь. Древесина оставалась чистой, слепяще-белой, истекающей соком.

— Ну, может, метеорит чиркнул, — пошутил Лёша сзади.

Он попытался растянуть губы в улыбке, но рот лишь судорожно дёрнулся, обнажив зубы. Группа откликнулась сухим, слишком коротким смехом — тем самым резким звуком, каким пробуют заслониться от непонятного.

— Да хорош вам жути нагонять, — Дима сделал шаг и с силой ударил ладонью по шершавой коре. От толчка осыпалась сухая чешуйка. — Медведи тут ходят. Здоровенный самец тёрся спиной после спячки, территорию метил. Навалился тушей, сушина и лопнула. У них мускулатура — гидравлика.

Игорь не ответил. Он застыл, наклонившись к глубокой щели у основания комля, где из разорванных волокон сочилась янтарная смола. Капли живицы сползали по белому излому, но его взгляд приковало иное. В густой липкой массе увяз чужеродный фрагмент. Клок шерсти.

Густой, плотный, грязно-рыжеватого оттенка. Волоски длинные — сантиметров по пятнадцать, жесткие, точно свиная щетина, с войлочным подшёрстком, в который набилась сухая хвоя и почвенная труха. Ни один из местных зверей такой шубой не обладал; она выглядела чересчур грубой для лося и длинной для бурого медведя.

— Серёга, — Игорь позвал шёпотом, но интонация заставила Диму осечься на полуслове. — Глянь сюда. Тут... есть кое-что.

Серёга приблизился бесшумно. Плавным движением опустил на корточки рядом с Игорем. Настя, стоявшая сбоку, фиксировала каждый его микрожест.

Серёга действовал без суеты. Кончиком лезвия ножа подцепил липкий клочок, перенёс на ладонь и поднёс к лицу. Его ноздри хищно сжались, втягивая запах. Лицо мужчины оставалось каменным, но вокруг глаз собралась сетка жестких морщин. Он не произнёс ни слова. Сложил лезвие, завернул шерсть в кусочек полиэтилена и убрал в нагрудный карман штормовки, затаив молнию до упора.

— Ну что там? — Дима подался вперёд. — Медвежья? Старая шерсть? Чего молчишь, Серёг?

— Да. Может быть, — Серёга поднялся единым, тягучим движением. — Как сказал Дима.

— Медведи — штука опасная, — Дима попробовал вернуть голосу прежний тон, но звук сорвался на глухой сип. — Надо держаться кучней. Без отставаний.

Расколотую сосну пришлось обходить. Ствол перегородил проход так, что лезть через него с тяжёлыми баулами было безумием — торчащие во все стороны щепы, точно пики, могли распороть ткань или пробить сапог. Группа взяла вправо, пробиваясь сквозь густой бурелом. И там, среди вывернутых пней и раскисшей глины, Лёша замер.

— Стойте, — произнёс он.

Звук заставил всех застыть. Лёша стоял, опустив голову и глядя в низину между замшевыми валунами.

Земля здесь была мягкой, чёрной, сырой после прошлых дождей. На этой пластичной массе чётко отпечатались цепочка следов. Каждая выемка достигала тридцати сантиметров — Настя сравнила её со своим тридцать седьмым размером.

Форма отпечатка выбивала воздух из лёгких. Не круглый лапчатый след с характерным сдвигом. В грязи отпечатались чёткая анатомия: округлая пятка, плоская стопа и пять растопыренных пальцев ровной дугой. Но пальцы выглядели короткими.

— Медведь, — Дима выдохнул это мгновенно, хватаясь за слово, точно за поручень. Голос взлетел на высокую, звенящую ноту. — Четырёхлетка. Грязь размыло, след и расплылся. Обычная физика...

— У медведя пальцы по-другому расположены, Димон, — Лёша медленно опустился на одно колено, не обращая внимания на то, что штанина мгновенно впитала грязную жижу. Он занёс ладонь над отпечатком. — Большой палец у медведя снаружи, а здесь — внутри. Как у человека. И шаг... посмотри на шаг. Он шло на двух. Прямо.

— Ну и правильно. Медведи постоянно ходят на задних лапах.

Восемь человек выстроились вдоль кромки бурелома, плечом к плечу, вжимая подбородки в воротники штормовок. Выемки следов тянулись из плотного ельника, пересекали утоптанную полосу обходного пути и уходили вглубь леса, выдерживая ровное расстояние в десяток метров от волоковой тропы. Нечто двигалось сквозь подлесок в одном ритме с ними, укрытое завесой багульника и лапника. Двигалось без малейшего сучьего хруста.

— Это... это ведь шутка, правда? — Кристина огладила плечи, судорожно вжимая пальцы в сукно куртки. Лицо её исказила сухая, натянутая ухмылка. — Признавайтесь. Пал

Палыч устроил перед выходом? Взял деревянный чурбак, набил когти и прошёлся на рассвете, чтобы над городскими посмеяться? Скажите, что разыграли!

— Пал Палыч уехал ещё вчера, Крис, — Игорь не отрывал окуляра от глаза. Указательный палец над кнопкой пуска дрожал, выбивая дробь по пластику корпуса. — А отпечатки совсем свежие. Смотри на дно лунки.

Настя опустила ниже, втягивая носом сырой запах развороченной глины. На самом дне глубокого вдавления от пятки, вспухая прозрачными пузырями, проступала вода. Она сочилась капля за каплей, чистая, без коричневой взвеси, не затянута хвоей и листовным сором. Острые края влажного грунта сохраняли чёткий градиент, не успев оплыть под дневным солнцем. Что-то стояло здесь совсем недавно.

Аня, до этой секунды выдерживавшая прямую осанку и отстранённое выражение лица, резко, с хрипом выдохнула. Её правая рука метнулась в сторону и намертво впилась в рукав Димы. Жест вырос из глубокого, неконтролируемого инстинкта: пальцы сжали плотную ткань.

Лёша перехватил этот жест мгновенно. Взгляд его скользнул от отпечатка стопы на переплетённые руки. Он поднимался с корточек медленно. Ни слова не слетело с его губ, но воздух вокруг стал плотным и тяжёлым.

— В колонну, — отрезал Серёга. Голос прозвучал без вибрации, точно обух топора по мёрзлomu дереву.

Он шагнул в середину, раздвигая застывших парней плечами.

— Дима, за мной. Девчонкам стать в центр. Лёша, замыкаешь. Шаг не растягивать, из виду никого не выпускать. Под ноги смотреть, по сторонам не зевать. Пошли.

Марш превратился в непрерывное, выматывающее бегство, хотя никто не произносил этого слова. Скорость шага подскочила, точно за спинами разгорался верховой пожар. Утренний непринуждённый гул сменился суетливой, лихорадочной болтовнёй. Слова сыпались непрерывно, перебивая друг друга, зацепляясь за случайные мелочи, лишь бы не дать восторжествовать той глухой, вакуумной немоте, что затаилась между деревьями.

Дима, задыхаясь от частой ходьбы, сбивающимся тоном пересказывал мелкие интриги из проектного отдела. Аня с резким, надрывным смешком описывала приставучего профессора на кафедре. Игорь вслух перебирал технические параметры новых объективов. В этих речах не осталось живого тепла — они возводили стену звука, выстраивали хрупкую баррикаду из человеческих голосов, пытались заслониться от тайги. И едва кто-то сбивал дыхание и замолкал, в паузу врывался шорох: головы дёргались вправо, туда, где кусты багульника покачивались невпопад, вопреки слабому движению воздуха. Где-то в глубине массива сухо и гулко ухнула неясность, распугав лесную мелочь.

Проход усложнялся. Волоковая тропа потерялась в густых зарослях шиповника и молодой ольхи. Нижние еловые лапы хлестали по лицам, смазывая кожу колючей смолой и оставляя тонкие царапины. Под слоем мха и папоротника прятались скользкие, вывернутые корни и острые гранитные осколки. Влажный, насыщенный запахами и гнилью воздух вязнул в лёгких, налипая на тела горячей плёнкой. К пяти часам вечера ресурсы организма истощились. Разговоры заглохли сами собой. Слышалось лишь тяжёлое, хриплое дыхание восьми человек, преодолевавших бесконечный тягун.

Когда солнце завалилось за зазубренный гребень хребта, озарив макушки листовенниц багрово-свинцовым отсветом, сквозь густеющую синеву проступили рубленые силуэты.

Заброшенное геологоразведочное поселение встретило их молчаливой тяжестью. При выходе на поляну, заросшую по пояс иван-чаем и полынью, у Насти в груди всё сжалось от внезапного давления. Пространство не ощущалось пустым. Посёлок выглядел брошенным.

Три длинных деревянных барака стояли дугой, осев на одну сторону под тяжестью таёжных снегов. Брёвна почернели от времени, пошли глубокими продольными трещинами и

лишайниковой паршой. Оконные проёмы лишились остекления; за ними зияла непроглядная, плотная тьма. Тесовые крыши провалились, обнажая гнилые стропильные брусья, похожие на рёбра исполинского скелета.

Но не общее разрушение заставило группу остановиться у первых кустов.

На массивных двустворчатых воротах ближайшего строения, прямо по выцветшей древесине, тянулись продольные, глубокие разрывы. Это были не следы падения сухостоя или ударов лома. Борозды шли сверху вниз четырьмя ровными, параллельными линиями, въедаясь в брёвна на пальцы глубиной. Отметины покрывали всю плоскость двери, пересекаясь и накладываясь друг на друга, словно кто-то изо дня в день выплёскивал сюда свою ярость.

— Это... давнишнее всё, — Дима занёс подошву над нижней ступенькой крыльца, но так и не опустил ногу. Рука его застыла в воздухе, не решаясь коснуться дерева. Голос звучал глухо, без вибрации. — Геологи тут лошадей держали... или прикармливали кого. Зверь пробивался к еде. Лет тридцать назад, не меньше. Смотрите, доски серые.

Настя подошла ближе, игнорируя тихий, прерывистый навзрыд Кристины за спиной. В угасающем свете заката она наклонилась к разрывам на бревне. Цвет древесины внутри борозд отличался. Часть царапин действительно потемнела, заросла лишайником и выглядела выветренной. Но поверх старых канавок выделялись свежие, с ярко-жёлтой, сочной древесной мезгой. Волокна на них ещё не успели окислиться, а на мелких щепках тускло переливались свежие янтаринки смолы.

Она медленно отступила назад, ощущая, как в затылке нарастает звенящий ледяной зажим. Настя перевела взгляд на Серёгу. Тот замер у кромки леса, спиной к чаще, медленно поворачивая подбородок из стороны в сторону. Лицо его в сумерках казалось высеченным из камня. Пальцы левой руки покоились на клапане кармана.

Настя подошла вплотную. От его штормовки тянуло острым потом и сухим махорочным дымом. Она заговорила едва слышно, одним дыханием, чтобы слова не долетели до ребят у крыльца:

— Серёж... Ты нас привёл сюда зачем?

Серёга медленно развернул голову. Его глаза, глубоко сидящие и почти чёрные в наступающей тьме, ввелись в её лицо тяжёлым, немигающим взглядом. Ни единого звука не слетело с его губ.

Настя отступила. Разговаривать больше было не о чем. Паника сейчас уничтожила бы остатки контроля, удерживавшие группу от падения в хаос. А времени не оставалось: закатный отсвет угасал на глазах, длинные тени от деревьев тянулись по бурьяну, смыкаясь вокруг строений.

— Дима! — рявкнул Серёга, разрушая застывшую тишину. — Хватит смотреть на доски. Бери Лёшу, проверяйте засовы на среднем бараке. Где крыша целее, туда и заходим. Живо, темнота через пять минут!

Дима судорожно дёрнулся, двинувшись к двери дёрганым, ломаным шагом. Он рванул ручку; ржавые петли отозвались долгим, визгливым скрежетом, разнёсшимся по поляне. Кристина вцепилась в локоть Ани, и обе они, не оглядываясь, нырнули за парнями в пахнущий сыростью и плесенью проём.

Настя обернулась. Чёрная стена тайги замкнулась вокруг базы, отрезав всё остальное. Она шагнула за порог, и тяжёлая дубовая створка с глухим гулом захлопнулась, гася последний дневной свет.

Глава 4. База

Тяжёлая створа захлопнулась с пронзительным визгом ржавых петель, перерезав заходящий из тайги сумрак. В нос ударил густой, въедливый дух: слежавшаяся, рассохшаяся от времени бумага, тяжёлые ноты советского автола, глубоко впитанные древесиной, да сухая хвоя. Этот запах старого жилья проникал глубоко под одежду, вытесняя застрявший в горле лесной холод.

Внутри стояла глухая сухость. Хвойные плахи потолка дерновали крышу надёжно — под стропилами не темнело ни единого подтёка. Снаружи под коньком с тихим свистом гулял таёжный сквозняк, а из разбитых оконных проёмов тянуло сырым вечерним озоном, но толстые почерневшие брёвна гасили гул тайги. На вековых плахах стен, особенно возле дверного откоса и вокруг оконных рам, густо пестрели следы старых выстрелов. Глубокие, кучные воронки от картечи и дробы выбили щепу, а серые от времени, покрытые глубокими окислами свинцовые шарики застряли в древесине, похоже, ещё в пятидесятых годах. Все попадания веером уходили в сторону окон и входа.

— Что же здесь происходило? Осмотритесь.

— Что бы не произошло, но вещи они не успели забрать. Гляньте, тут даже кровати уцелели, — Дима навалился плечом на дощатую перегородку соседней комнаты, его голос под низким потолком прозвучал избыточно звонко, с наигранной лёгкостью. — Пансионат три звезды, не меньше. Похоже, забредали сюда туристы или сталкеры до нас, обживали малёха.

Эти слова подтолкнули остальных. Группа включилась в лихорадочную, хаотичную работу, избегая встречных взглядов и стараясь не задерживать внимание на иссечённых дробью брёвнах. Кристина принялась яростно счищать рукавом штормовки слой серой пыли с массивного стола с ящиками. Дыхание её срывалось, а пальцы соскальзывали с гладкого брезента манжет. Аня опустилась на корточки в углу, где меньше дуло, и с глухими ударами расправляла спальные мешки, выравнивая их края с дотошной геометрической точностью.

Дима с ожесточённым, рваным усердием драл хлам у входа. Он хватался за обломки табуретов, волок покосившийся тумбовый шкаф с вырванными петлями и громоздил всё это к дверному проёму. Его ладони, испещрённые свежими ссадинами от сучьев, мелкогато подрагивали, когда он заклинивал ножку стула между брёвнами.

— Эй, идите-ка сюда. Быстрее, — позвал Игорь из глубины зала.

Голос его потерял прежнюю глухоту. Парень замер у брусовой стены, удерживая пятно налобного фонаря на прямоугольнике ватмана, прибитом ржавыми костылями. Пожелтевшая, испещрённая паутиной трещин топографическая карта сохранилась со времён первых геологоразведочных партий. Синие жилки рек выцвели, горизонтالي высот едва проступали. Прямо по центру листа, перекрывая горный распад, тянулся жирный овал, выведенный химическим карандашом. Фиолетовый контур сжимал перевал, к которому они пробивались последние дни. А правее, прорывая бумагу до дерева, отпечталось одно слово. Грифель впивался в ватман с такой исступлённой силой, что на месте букв остались рваные отверстия: «МОЛЧАНИЕ».

— Что это... зачем они так его называли? — Настя подошла ближе. Подбородок её подрагивал от сквозняка, ползшего по полу. Она скрестила руки на груди.

— Без понятия. Потому что тут очень тихо. Города далеко. — Игорь повелительно качнул лучом, отчего длинные тени брёвен пришли в движение. Из его тона исчезла привычная насмешливая вальяжность.

Он повёл плечами и опустил пятно света вниз, к стыку стены и рассохшихся половиц. В темноте проступили прелея ветошь, газетные обрывки и тёмный предмет под слоем серого

войлочного пылевого налёта. Прямоугольный блок в клеённом переплёте. Углы его разбухли и расслоились от сырости.

— Дневник, — выдохнул Игорь. Колени его сухо хрустнули при приседании. Он замер над находкой, а затем двумя пальцами потянул тетрадь за корешок.

Вся группа сгрудилась у длинного стола. Дима водрузил по центру единственный рабочий светодиодный прибор, направив диод строго вверх. Отражённый от потолочных плах свет отбрасывал на лица мертвенно-белое пятно, высвечивая покусанные губы и расширившиеся зрачки. Игорь положил тетрадь на очищенный Кристиной участок. Влажные, тяжёлые страницы расходились с тихим, сухим треском, похожим на шорох листы под чьим-то сапогом. Игорь судорожно откашлялся, прочищая горло, и заговорил.

Буквы легли под острым наклоном влево. Первые листы содержали сухие сводки: проходка шурфов, координаты выходов породы, поломка дизеля, погодные данные. Будни советских изыскателей. Но по мере перелистывания почерк ломался. Строчки набегали одна на другую, паузы между датами увеличивались, а лаконичность уступала место рваным фразам.

— «Двадцать третье июля, — Игорь читающим тоном глушил гулкость барака. — Волков третий день не выходит на связь с дальнего пикета. Рация выдаёт только ровный, глухой шип. Григорьев вернулся из маршрута сам не свой, руки трясутся так, что кружку донести не может. Клянётся, что видел хозяина у ручья. Говорит, тот стоял на двух ногах в малиннике. Рост на голову выше. Ел орехи, прямо с ветками с хрустом ломал. Начальник партии устроил разнос, запретил даже заикаться об этом среди рабочих. Сказал — у Григорьева белка от вечного чая и скуке по дому. Но карабины выдал всем, даже повару. Если сорвать добычу...».

В глубине фонаря что-то коротко щёлкнуло, диод на мгновение мигнул, и Настя сквозь сжатые зубы втянула воздух. Игорь перевернул страницу, оставив на полях влажные отпечатки пальцев.

— Читай дальше. Не молчи, — Лёша подался вперёд, его ладони впились в кромку столешницы так, что ногти стали блёклыми.

— «Мы уходим завтра, что бы там ни решило управление в округе, — Игорь читал всё глуше, переходя на свистящий сип. — Снаряжение бросаем, заберём только образцы первой категории и документы. Если кто-то из следующих партий найдёт эти записи — заклинаю, не ходите к перевалу. Назад дороги не будет. Он метит территорию вокруг лагеря. Это не обычный зверь, карабин его не берёт, Волков стрелял в упор, мы нашли три стреляные гильзы у его палатки. Он не любит, когда...»

Текст оборвался. Следующий лист выдрали с корнем — у марлевого переплёта торчал лишь узкий зубчатый край. На этом дневник геологической партии кончался.

В помещении встала вязкая, плотная тишина. Воздух сделался тяжёлым, застоявшимся, впитавшим чужую беду.

— Господи, да это же просто... обычные байки, — Кристина выдавила короткий, визгливый смешок, сразу оборвавшийся. Она обхватила свои плечи, покачиваясь. — Ну, знаете, эти геологические страшилки у костра. Они же там месяцами сидели, без женщин, без телевизора, спирт глушили канистрами от скуки. Вот и выдумали какого-нибудь... лешего или медведя-людоеда, чтобы молодых пугать. Обычный крупный медведь-шатун это был, или браконьеры дикие. Ну правда, чего вы все замолчали?

Никто не отзывался. Эхо её смеха быстро потухло в углах. Кристина замолкла, следя за Серёгой. Тот, несмотря на неё, поднялся. Он подошёл к оконному проёму, за которым чернел вечер, и с силой надавил ладонями на деревянные ставни, проверяя прочность петель и ржавых болтов.

— Лёша, подъём, — Серёга кивнул на узкую боковушку, где среди ящиков лежал массивный щит из пятисантиметровых плах. — Помоги. Надо перекрыть этот проём.

Лёша поднялся без единого слова. Вдвоём с Серёгой, задев рюкзаками бревенчатые косяки и тяжело дыша, они с грохотом вытащили массивный щит в зал. Дерево с глухим ударом вмялось в дверной проём. Лёша упёрся плечом в шершавые доски, сжав зубы до хруста; по его лбу и вискам стекали крупные, блестящие капли пота. Серёга с маху вбивал обломки столовых ножек между щитом и противоположной стеной, загоня деревянные клинья. В сухом полумраке дома разносились лишь глухие удары да треск расщепляемого дерева.

Дима, ещё недавно пытавшийся задавать тон и держать осанку перед Аней, окончательно втянул голову в плечи, пряча подбородок в отсыревший воротник. Его уверенная походка рассыпалась: парень неуверенно, мелковатыми шагами приблизился к Игорю, застывшему над тетрадью.

— Слышь, Игорь... — выдохнул Дима. От его прежнего поставленного баритона ничего не осталось, голос звучал сдавленно и сипло. — Аппарат... он же у тебя в клапане? Достань, а? Может, наберёшь МЧС или базовый лагерь в городе? Ну, сообщить, что мы дошли, на точке стоим. Мало ли... если тут реально зверь кружит... Пусть наши координаты зафиксируют. На всякий случай.

Игорь молча нащупал пластиковый фастекс. Треск липучки в звенящей тишине комнаты прозвучал как щелчок взведённого затвора. Он извлёк прочный прямоугольный корпус телефона и до упора зажал клавишу питания. Экран вспыхнул холодным, синеватым светом, отразившись в расширенных зрачках Димы. Прибор несколько секунд мигал пиктограммой антенны, но затем на дисплее проступила сухая надпись: «НЕТ СИГНАЛА».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.